

Кн. обозрение. — 1993. — Число (№22). — С. 15
Алла ПУГАЧЕВА:

«ИСТОКИ МОЕГО ОПТИМИЗМА»

На вопросы нашего корреспондента отвечает «женщина, которая поет».

— Каково ваше мироощущение, Алла Борисовна, сегодня?

— Я перестала суетиться. Может быть, сказало мое физическое состояние — то, что я болела и, так сказать, на том свете побывала, — но суета прекратилась вообще. И в моем сознании, и в сердце, и во всем. Судьба так распорядилась, чтобы переосмыслить все и прийти к выводу, что я не «ЕЩЕ» популярна, а «УЖЕ» любима! И любовь эту надо сберечь до конца дней моих.

— Значит, выживание, за тишь кончилось, и сейчас у вас масса проектов?

— Я вообще-то всегда делаю остановки, для того чтобы посмотреть, нужно ли продолжать? Последние года два я меньше работала — не могла понять, что происходит. А теперь, когда поняла, знаете, у меня такое ощущение, что я снова запела. Я поняла, что нужно. И много есть планов, проектов. Может быть, и музыкальные фильмы, и новые пластинки.

— А зарубежные гастроли вы планируете?

— Да, конечно. Но все очень сложно. Понимаете, если я еду, скажем, в Америку, то люди, которые меня продюсируют, просят брать с собой только минимум: минимум музыкантов, минимум технических средств. Все влетает в копеечку. Но нищими ехать не хочется, а богатыми пока не можем. Мы пытаемся искать контакты, которые позволили бы показать там, что мы имеем на самом деле. Скажем, такое шоу, как «Рождественские встречи».

— Один американский журналист меня спросил: «Вы готовы оставить свою страну на полгода?» Я сказала: «Да, готова, не на всю жизнь, но на полгода, для работы — конечно». Он недоумевал: «За это время вас не забудут?» Как приятно было уверенно ответить: «Нет!»

— Вы не ведете переговоров с западными артистами, чтобы представить их нашим зрителям, как когда-то Удо Линденберга или братьев Херрей?

— Был такой период, когда хотелось как-то пробить «стену». Это были люди, которым я помогала по мере возможности, чтобы их здесь узнали. Сейчас совсем иная ситуация, «железный занавес» снят...

— Я не занимаюсь приглашением западных артистов. Но если бы я вела с ними переговоры, то исходила бы из того, что надо обеспечить прием на должном уровне. Тогда они, приезжая к нам, не делали бы такого снисхождения. А если мы не можем оплатить звезду, то чего же тогда приглашать?

— Часто они сами хотят приехать. У меня был такой достаточно сложный разговор в Монте-Карло с Бобом Гэлдофом. Он вдруг захотел приехать в Ригу, когда там начался кризис: национальный вопрос и тому подобное. Я спросила: «Что же вы раньше не приехали? Или позже? Теперь, когда сложилась тяжелая ситуация, кругом неразбериха, там, честно говоря, даже не до вас. Значит, это больше нужно Бобу Гэлдофу — приехать в Ригу, чем Риге, чтобы приехал Боб Гэлдоф!» Он этого не понял, страшно обиделся. Я говорю: «Да причина еще в том, что просто нет бензина, электричества. А делать себе рекламу на проблемах других людей — я этого не понимаю...»

— Нужна ли специальная школа для того, чтобы занимать

ся шоу-бизнесом? Нужен нам такой колледж, как на Западе?

— А как же! И здесь колледж нужен, и там.

— Каждый должен иметь возможность сделать свой выбор, любой человек на планете. Я так считаю, что ногами нужно крепко стоять на своей земле, а глазами обозревать мир. Когда у нас такое было?! Нет! Приросли, заставили прирасти. За границу выехать невозможно...

— Пора думать об общем доме, который называется Земля. Много наших людей по миру раскидано, и никто, поверьте, никто не забывает то место, где родился, и всегда называет Родину, домом. Но этот дом — основа, корни, а листва должна быть устремлена в мир. Хватит думать, что Родина — это то, что за забором, с собакой на цепи. Прежде всего надо убрать ЭТО с нашей страны: «Осторожно, злые собаки!»

— Я рада, что теперь все меняется. Конечно, время сейчас трудное, но я настроена оптимистично.

— Надо все строить заново. У нас разрушать научились, а создавать нет. Нужно заложить первые камушки. Нужно еще найти и строителей, которые не сделают страну-временку. Как дом, — посмотришь на него и подумаешь: «Может, завтра война. Плевать, где живешь!» У нас тут какое-то чувство временного проживания.

— Надо научиться радоваться успехам других. Всему нужно учиться. Мне или тем, кто уже приходит сейчас. Может, еще только зарождаются люди, которые действительно будут знать толк во всем. А пока у нас время «ликбеза».

— Я с первых «Рождественских встреч», из года в год наблюдаю удручающую картину — в каких условиях идет подготовка этого шоу, и каких усилий оно стоит. Бесконечные проблемы, напряжение душевных и физических сил, когда уже, наверное, не до творческого полета...

— Ну, это было, есть и, думаю, еще будет.

— Почему?

— Спросите это не у меня.

— К примеру, один раз сцену в «Олимпийском» заняла Патрисия Каас, срывая сроки репетиций «Встреч». Другой раз — уже отечественная «юная звезда» со своими сольными концертами...

— Хотите, я вам конкретнее скажу? Вот когда не было этих новых материальных отношений, все было проще. Работали на энтузиазме, четко и быстро. Были какие-то вопросы, но они в процессе подготовки снимались.

— Теперь, когда за все приходится платить, по идее, организация должна быть более четкой. Но вот почему организация не такая четкая, а денег больше

на все уходит, — это я сама хочу спросить. Но не знаю, у кого.

— Существует же договор. Разве нельзя подать в арбитражный суд, предъявить штрафные санкции?

— Это абсолютно исключено.

— Почему?

— А-ах ты ж, Господи! Вот не знаю, почему! Это как в песне о России: «Ты веками не понятна чужеземным мудрецам...» Я тут как-то сказала одному знакомому: «Надо быть смелым человеком, чтобы уехать в Америку жить». А он говорит: «Надо быть смелым человеком, чтобы здесь оставаться».

— Правда, должна сказать, на «Рождественских встречах» вопрос денег все же уходит в сторону, хотя с него работа начинается. В результате, понимаете, люди сами начинают получать удовольствие от того, что делают. И скажи им потом, что не будет денег, они все равно все выполнят. Значит, что-то существует еще, кроме чисто материальных интересов.

— Что бы вас могло сегодня больше всего обрадовать?

— Мне бы хотелось, и это не пафос, чтобы прекратились всякие политические дразги. Чтобы это сумасшествие, которое началось, поскорей закончилось.

— Хотя, в принципе, ну чего еще можно было ожидать, как не того, чтобы вылилась наконец-то вся злора, копившаяся годами. Люди страдают. Поэтому для меня будет самым счастливым момент, когда я снова увижу радостные лица. Когда я, готовя свои программы, не буду думать, как бы не сделать «пир во время чумы».

— Как, на ваш взгляд, необходимо относиться к своему противнику, оппоненту?

— Мне кажется, необходимо постараться его понять, попытаться встать на его место и увидеть ситуацию его глазами. Я не говорю, что это — легкий путь, но другого нет, я считаю.

— Если вы кого-то представляете, то говорите в превосходной степени: «Самый потрясающий! Лучший».

— Если я говорю о ком-то, да. А о тех, к кому я отношусь иначе, не собираюсь говорить. Зачем мне это? Время тратить...

— Алла Борисовна, я не стану задавать вам традиционный вопрос «Книжного обозрения». Кто следит за вашим творчеством — знает, что вы любите поэзию. В прозе вам близки Булгаков, Чехов, Платонов, а когда бывает нелегко, вы перечитываете воспоминания Константина Коровина. Всем нам сейчас нелегко, что вы хотели бы пожелать нашим согражданам?

— Вы знаете, я бы, честно говоря, ничего не желала. А лучше тихо села бы с ними, чтобы молча друг другу в глаза посмотреть. Желать можно многое, но как объяснить, что счастье в наших руках и мы должны это понять?

— Счастье и созидание нового общества. Для этого надо верить в свои силы и что-то делать, а не опускать руки в ожидании, когда тебе принесут все. Прежде всего надо научиться друг другу улыбаться в самую тяжелую минуту. Вот если мы этому научимся и не будем падать духом, то наша жизнь получится!

— Откуда истоки вашего оптимизма?

— Я русский человек. Вот и все, что я могу сказать, — это истоки моего оптимизма.

Беседу вел Илья СТРЕЛЕЦ.
Фото Е.АРХИПОВОЙ.

245